

Оглядевшись по сторонам и не увидев того живого воплощения ада — Юань Цзяояня, Мо Ин облегчённо вздохнул.

Нечаянно вспомнив вчерашние кровавые пятна на руке того, он предположил, что ранения Юань Цзяояня были серьёзными.

А как дела у Цзы Си? С утра была суматоха, и он не знал, как тот поживает. Ладно, позже вернётся и проверит.

Пир устроили на открытом воздухе, под сенью густых древних деревьев, а вокруг низких столиков стояли яркие букеты цветов. Летний ветерок, пропитанный цветочным ароматом, создавал безмятежное настроение.

Но, увидев море чёрных голов, Мо Ин почувствовал нервозность, и руки его задрожали. К счастью, на нём была маска, и никто не видел его выражения, что немного облегчало положение.

Для демона-социофоба это было сущим мучением, нужно было поскорее увести И Цунчжоу и сбежать.

Согласно воспоминаниям оригинала, перед началом общего пира император должен был произнести речь, в основном состоящую из избитых пожеланий мира и процветания. Оригинал говорил такое бессчётное количество раз, содержание было примерно одинаковым, и, по идее, это должно было быть просто, как чтение по бумажке. Но когда снизу на него устремились десятки пар глаз, слова застряли у него в горле.

Придворные в полной тишине ждали долгое время, но в итоге лишь переглядывались, не понимая намерений Мо Ина.

Чем дольше тянулось время, тем неловче становилось, а чем неловче, тем труднее было вымолвить слово. В самый разгар его мук в толпе раздался сладкий женский голос.

— Ваше Величество специально ждал меня?

Облако красной вуали приблизилось, неся с собой густой аромат.

Мо Ин вздрогнул, увидев, что кто-то бросается на него.

Это была наложница Сюань, от которой он несколько дней скрывался.

Наконец-то поймав его, наложница Сюань, гибкая, как тростинка, прильнула к его груди.

— Ваше Величество, я так по вам тосковала.

Мо Ин не знал, куда деть руки, и беспомощно задвигал глазами. Вдруг он увидел рядом с наложницей знакомого человека.

Бледное лицо, мягкое выражение, характерная надломленная бровь.

Почему Цзы Си здесь?

Всего несколько часов не виделись, а он уже смог вернуться к наложнице Сюань для прислуживания. Эта пугающая способность к восстановлению — точно кандидат в императоры, которого он выбрал.

Живуч, полоска здоровья толстая, настоящий баловень судьбы.

Почувствовав оцепенение Мо Ина, Цзы Си повернулся и встретился с ним взглядом, неспешно поклонившись.

Статный, в общении мягкий и почтительный, больше похож на начитанного учёного, чем на евнуха.

— Ваше Величество, вы же скучали по мне?

Мо Ин с суровым видом отвёл взгляд, не смея смотреть на наложницу Сюань в своих объятиях. Оттолкнуть её было нельзя, не оттолкнуть — тоже, голова шла кругом.

Не то чтобы он не хотел отказать, просто не знал, как остановить.

Такая нерешительность стала для наложницы Сюань безмолвным ободрением, и она стала наглеть ещё больше.

Оригинал любил смелых и активных, и наложница Сюань, хорошо это усвоив, была самой любимой.

Она прижималась всё ближе, рука её сползала с плеча вниз, чем изрядно мучила Мо Ина.

Он нервничал, как муравей на горячей сковороде, мёртвой хваткой вцепившись в рукава.

Цзы Си наблюдал эту сцену, слегка удивившись.

Что же делать? Нельзя приказать увести её, но и не знаешь, как заставить её успокоиться.

В нерешительности Мо Ин внезапно почувствовал на себе чей-то взгляд.

Спокойный взгляд из угла — от И Цунчжоу.

Мо Ин ненадолго встретился с ним глазами, и в глубине души у него неожиданно появилось мужество.

Старейшины говорили, что демоны-соблазнительницы очень склонны влюбляться без памяти. Как молодой господин, он должен подавать хороший пример. Нельзя позволять маленькому демону-соблазнительнице думать, что его господин — развратник, обнимающийся направо и налево, и формировать неправильные взгляды на любовь.

Он разжал рукав, ухватил наложницу Сюань за плечи, выпрямил её и оттолкнул в сторону.

Сила демона-соблазнительницы была немалой, от такого обращения наложница Сюань чуть не отправилась на тот свет, лицо её побелело.

— Сидеть смирно! — тихо прикрикнул Мо Ин. — На торжественном мероприятии не место шуткам! Ты, если ещё раз подойдёшь, я... я урежу тебе жалованье! — Всё равно другой кары не придумать, можно было только так.

Кто бы мог подумать, что попадёт в точку. Наложница Сюань, собиравшаяся было вернуться в атаку, тут же притихла.

Урезать деньги — это уже перебор.

В глубине зала в глазах Цзы Си промелькнуло недоумение.

Мо Ин, естественно, не заметил. «Усмирив» наложницу Сюань, страх в его сердце будто лопнувший шарик — весь выветрился.

Он откашлялся, боясь перед всеми запнуться и выдать себя, и коротко, медленно закончил вступительную речь.

Работать нелегко, социофоб вздыхает.

Зазвучала музыка, начались песни и танцы.

Наложницу Сюань Мо Ин так стиснул, что плечо у неё болело нестерпимо, да ещё и пригрозил,

так что она не смела приблизиться.

Временами подходили сановники с тостами, Мо Ин широким рукавом прикрывал бокал и незаметно выливал вино.

— Ваше Величество, в последнее время в Центральных равнинах много дождей, уже во многих местах произошли наводнения, пожалуй, нужно как можно раньше принять меры, — один чиновник, воспользовавшись моментом, подал доклад.

Раз уж он должен быть отрекающимся негодным правителем, то нужно быть негодным до конца, чтобы вызвать недовольство и заполучить нового государя.

Мо Ин принял самое соответствующее образу оригинала решение.

— Это дело полностью поручается канцлеру и младшему историку.

Он случайно взглянул и увидел, как несколько чиновников слегка качают головами, с болью и разочарованием.

Канцлер Чи Хоудэ и младший историк Чи Линь — отец и сын. Эти двое занимали высокие посты и обладали большим влиянием, но втайне были крупными казнокрадами. В начале книги Цзы Си заполучил доказательства их коррупции и вытянул из них немало выгод.

А что может быть глупее, чем возложить важное дело на казнокрадов? Ничего.

Центр — навлечь на себя ненависть, базовая точка — вызвать гнев небес и людей, цель — поднять восстание, задача — в кратчайшие сроки отречься от престола и сбежать с маленьким демоном-соблазнителем.

Действительно, после такого его ответа несколько преданных сановников захотели что-то сказать, но в итоге промолчали.

Не нужно ему больше отвечать, вот и славно.

Вновь зазвучали струны и духовые, сановники чокались друг с другом, было очень оживлённо.

После нескольких кругов вина солнце постепенно поднялось, и вот-вот должен был наступить полдень.

Летний общий пир, называемый собранием сановников перед жертвоприношением Небу, на самом деле был пиром, где сановники выпрашивали настроение императора и подносили ему

сокровища.

Отлично, этап получения подарков ему нравится.

Начиная с канцлера Чи Хоудэ, под громкие возгласы евнуха поднесли подарок — пару совершенно одинаковых изумрудных попугаев, выкрикивающих «Да здравствует император!».

Возгласы восхищения то и дело раздавались, но Мо Ин оставался безучастным, под маской изобразив профессиональную фальшивую улыбку.

Хватит этих пустых украшательств, лучше бы прислали побольше серебряных банкнот. После побега с маленьким демоном-соблазнителем неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы выбраться из этого малого мира, нужно побольше накопить серебра, нельзя же заставлять маленького демона-соблазнителя жить с ним в нужде.

Он был безучастен, и вскоре поднесли второй подарок.

Кто-то тихо сказал:

— Опять господин Сюэ прислал каллиграфию, сколько раз уже набивал шишки, а всё такой же упрямый, кто ж не знает, что император больше всего не любит письма и живопись.

Ван Си громко возгласил:

— Главный цензор Сюэ Чжунго подносит собственноручно написанный свиток «Прекрасные дамы».

Сюэ Чжунго? Тот самый самый знаменитый в стране каллиграф? Его произведения стоят целое состояние, твёрдая валюта!

Мо Ин расплылся в улыбке.

— Быстрее, свиток господина Сюэ до... доставить сюда! — Когда буду сбегать, упакую и перепродам, получу сияющее белизной серебро, разве не прекрасно?

Сюэ Чжунго, верный своему имени, был честным и непреклонным, но негибким. Зная, что оригинал не любит, каждый год всё равно подносил свои литературные свитки. Думал, что и на этот раз удостоится презрения императора, но неожиданно государь, держа свиток, принялся внимательно его разглядывать, рука парила над бумагой, хочет потрогать — и не смеет, словно дорожит до крайности.

К его письмам, всегда игнорировавшимся, вдруг проявили такое уважение, в душе зародилась гордость. В какой-то миг ему даже показалось, что маленький император не так уж противен, его ещё можно спасти.

Душа ещё волновалась, Сюэ Чжунго не успел успокоиться, как вдруг услышал слова императора:

— Господин Сюэ, слышал я, ваш драгоценный внук — самый талантливый художник в нашем государстве, не будет ли у меня чести заполучить его картину для коллекции?

Сюэ Чжунго тут же по-настоящему удивился: внук его — чиновник с ничтожной должностью, лишь в живописи кое-чего достиг, а государь даже о нём знает.

В словах сквозило уважение к учёным людям, он впервые почувствовал воодушевление.

Неужели ранее государь, стесняясь присутствия князя-регента, намеренно скрывал свои способности? Неужели он, скрывая истинное лицо, не был никчёмным, а являлся опорой государства?

Мо Ин не знал, что седовласый старый сановник уже столько нафантазировал, его мысли были просты: Сюэ Чжунго и его внука называли «два Сюэ», продашь их письма и картины вместе — стоимость удвоится.

Получив утвердительный ответ Сюэ Чжунго, он прищурил от радости правый глаз, видный из-под маски.

У И Цунчжоу было отличное зрение, и он ясно разглядел тот изогнутый глаз-персик. Не нужно было глубоко размышлять, чтобы представить, какое выражение было у того под маской.

Лицо его было необычайно прекрасным, а улыбка, несомненно, чистой и невинной.

<http://bllate.org/book/15421/1364209>